К вопросу о «молчаливом» признании в арбитражном процессе

Тряпочкин Никита Андреевич
кандидат юридических наук, доцент кафедры, Уральский государственный экономический университет, tryapochkin_na@usue.ru,

Кулюшин Евгений Николаевич
кандидат юридических наук, доцент кафедры, Уральский государственный экономический университет, kulyushin_en@usue.ru

Принято полагать, что на фоне гражданского процессуального кодекса (далее – ГПК РФ) и кодекса административного судопроизводства (далее – КАС РФ) арбитражный процессуальный кодекс (далее – АПК РФ) считается более проработанным с позиций формы и содержания. Однако, видится, что сказанное вряд ли применимо к положениям ст. 70 АПК РФ, регулирующей вопросы освобождения тяжущихся от доказывания фактов, при заявлении одним из них, или обоими, о признании фактов.

Одним из таких «сложных» в понимании моментов является существование ч. 3.1 ст. 70 АПК РФ, определяющей существование «молчаливого» признания – конструкции, когда пассивное поведение лица, участвующего в деле, как реакция на заявленное оппонентом утверждение, может быть расценена судом, как согласие с последним. И удивительно здесь не только то, что конкретный механизм предусмотрен лишь в арбитражном процессуальном кодексе, а еще и то, что на протяжении всей истории развития учения о признании факта в истории нашей страны ни один ученый, до современного периода, не высказывал слов поддержки в пользу его применения на практике. Думается, следует еще раз вернуться к данному вопросу и рассмотреть его с позиции генезиса развития обозначенного института.

Ключевые слова: признание фактов, освобождение от доказывания, лица, участвующие в деле, арбитражный процесс, пассивное поведение.

Введение

Начнем с того, что периодов развития института цивилистического судебного признания, фактически, в нашем правовом пространстве, можно обозначить три – дореволюционный, когда институт был заимствован из западно-европейского правового-пространства, советский, где ученым сообществом было предложено его полноценное качественное переосмысление, в силу борьбы с остатками буржуазных элементов в советском праве, и современный, где, откровенно говоря, его состояние можно оценить как «не весть что» (применяется «недораспорядительная» теория, так и не получили развития основы института – в части механизма проверки признаний судом, часть элементов была просто заимствована с Устава гражданского судопроизводства 1864 г. и т.д.) [20, С. 45-49].

На каждом из этапов развития названного процессуального явления его правовая природа определялась в науке по-разному.

Обсуждение

В дореволюционный период было принято полагать, что признание представляет собой акт распоряжения волей, адресованный суду, совершая который тяжущиеся стремились освободить друг друга от доказывания отдельных фактов [15, С. 410-412]. Несмотря на то, что звучит это все довольно альтруистично, истинный мотив у этого события был, напротив, совершенно приземленный – сократить процессуальные издержки, минимизируя временные затраты на производство. И это, не говоря уже о том, чтобы реализовать попытку «увести» суд в сторону от более глубокого и тщательного изучения конкретных обстоятельств дела. При этом, важно заметить, что в царской России, по какой-то неведомой причине, никто даже не касался вопроса о том, что такое «корыстное» признание может существовать на практике.

Хотя, пара работ, где подобное изначально отрицалось, все же была. Так, например, И. Б. Гуревич единственный за всю историю изучения института признания фактов в качестве правовых последствий определял не последующее освобождение процессуального оппонента от обязанности доказывать конкретный факт, а вполне разумно «юридическую известность признаваемого факта», нечто более объективное, чем просто «балл» в копилку одного из тяжущихся [4, с. 5]. Также, на том момент был в России и единственный представитель доказательственной теории, о которой речь пойдет чуть ниже – профессор М. М. Михайлов. В своих трудах цивилист совершенно четко пытался разъяснить, что автоматическое освобождение от доказывания, хоть и существенно сокращает временные затраты на проведение судебных заседаний, однако, неправильно и пагубно не рассматривать признание, иначе как одно из средств доказывания по делу, поскольку только в соотношении с другими представленными в разбирательство доказательствами можно говорить о его истинной сути [13, С. 127-130].

В советский период, наиболее яркие ученые умы, предложили качественный пересмотр положений процессуального законодательства, в том числе механизма заявления признаний и их последующей оценки судом [7, С. 428-433]. Опираясь на идею о следственном типе ведения судебной процедуры, результатом которой должно было быть установление материальной (объективной) истины по рассматриваемому делу, ранее распространенная позиция о признании, как об акте распоряжения волей, была отвергнута и на смену ей пришла доказательственная теория. Отныне признание фактов приравнивалось к одному из средств доказывания по делу, а правовые последствия в виде автоматического освобождения процессуального оппонента от обязанности доказывания оных были отвергнуты, в пользу нового, четко прописанного механизма проверки их содержания – сопоставления с другими, имеющимися в деле доказательствами [16, С. 8-9]. И, надо заметить, оно и к лучшему, поскольку ранее предложенный механизм проверки содержания признаний судом на предмет наличия пороков воли или волеизъявления в действиях их заявителя не только был сложен, с точки зрения применения, но и до конца не ясен, поскольку за весь дореволюционный период ни один ученый так и не смог на страницах своих трудов объяснить как же все-таки происходит этот процесс, просто заявляя о том, что он есть и на этом все.

Современный период развития института признания фактов, как ни досадно это утверждать, заставляет желать лучшего. Работ, посвященных ему на прямую, хотя и такие можно найти [18, С. 10-11], практически не осталось, основы на конференциях не обсуждаются, проблемы продолжают выводиться [9, С. 119-121], но не получают должного внимания ни с позиции законодателя, ни с позиции ученого сообщества. Во всех трех названных в аннотации к этой статье кодексах – ГПК РФ, АПК РФ, КАС РФ, несмотря на всю их схожесть (понятно, что речь идет про общую часть), в части механизма признаний, почему-то применяются разные положения. Какой теории придерживается законодатель – доказательственной, распорядительной или смешанной – загадка. Почему соглашение по обстоятельствам дела существует только в АПК РФ и КАС РФ, хотя, верно будет напомнить, что в последнем случае положения ст. 65 вообще не могут быть применимы по отношению к специальным главам кодекса – споры с гос. органами, споры по вопросам нарушения права на судопроизводство в разумный срок и т.д. И, на деле, мы получаем ситуацию, когда один и тот же институт, содержится в общей части трех процессуальных законов и везде предлагается разный механизм его реализации, ну, кроме КАС РФ, там он просто есть и не работает.

Так вот, возвращаясь к нашей проблеме, АПК РФ в ч.3.1 ст. 70 содержит положения, определяющие пассивное поведение лица, участвующего в деле, как согласие с позицией процессуального оппонента. Насколько верно утверждать подобное?

В целом, подавляющее число мнений о такого рода оценке всегда были негативными [21, С. 297-298]. Отсюда, видится, что это «нововведение», опять же с точки зрения истории развития учения о признании фактов, довольно свежее и появилось на свет около декады лет назад.

Начиная с этого момента, позиция по данному вопросу начала меняться. Появились отдельные статьи, где учеными в рамках анализа конструкции «молчаливого» признания стали выделяться и положительные моменты [14, С. 74-75], например, в части распространения института на других участников, помимо самих тяжущихся и т.д. Действительно, трудно отрицать, что положительные моменты у анализируемого механизма есть, например, существенное сокращение процессуальных издержек тяжущихся – прежде всего с поправкой на время проведения и количество предполагаемых судебных разбирательств. С одной стороны, в этом, на самом деле, есть некая логика – если мы утверждаем, что согласно базовым принципам ведения судебной процедуры современный арбитражный процесс является состязательным, то необходима какая-то санкция, чтобы принудить тяжущихся их соблюдать. Но, с другой стороны, если истец заинтересован в исходе дела, инициировал его рассмотрение, то можно ли говорить о том же самом уровне предприимчивости ответчика, который, возможно, даже не предполагал, что к нему такой иск предъявят? Либо, как вариант, возможно настолько уверен в слабой позиции истца, низкосортном уровне имеющихся у него доказательств, что просто желает пассивно наблюдать за происходящим, надеясь, что суд в какой-то момент самостоятельно прекратит весь этот театр абсурда? Ну, будем честны, такой вариант ведь тоже существует. Фактически, как верно замечает проф. С. Ф. Афанасьев «… неоспаривание (молчание) по сути есть лишь отсутствие отрицания, но не пассивное согласие с заявлением процессуального оппонента» [11, С. 258-259].

Другой момент – неявка лица, участвующего в деле, в судебный процесс. Например, ответчик не явился в самое первое разбирательство. Можно ли считать неявку в процесс, в качестве согласия с позицией процессуального оппонента? В чем вообще принципиальная разница между невозможностью выяснить отношение к признанию и потенциальным присутствием ответчика в процессе, но пассивным его поведением там? Или мы наказываем его просто потому, что он пассивно реагирует на происходящее перед лицом суда? Понятно, что признание факта, в качестве одной из своих характеристик, называет соблюдение процессуальной обстановки в момент заявления, но сделано это исключительно для того, чтобы его можно было отграничить от известного науке антипода – внесудебного признания, но никак не для того, чтобы кого-то за что-то наказывать [19, с. 53]. Почему в таком случае вообще существует разница в последствиях, если ситуации фактически идентичны?

Неясно еще и другое – почему конструкция молчаливого признания присутствует только в АПК РФ? Чем плохи ГПК РФ и КАС РФ? Хотя, последний вопрос, очевидно, надо сократить – что отрицательного в ГПК РФ? С КАС РФ все понятно и было сказано ранее – наличие там ст. 65 – это непонятный рудимент, видимо, просто оказавшийся там во время переноса положений из ГПК РФ, одновременно, с частью тех категорий дел, которые там находятся. В то же самое время, наверное, некоторая доля смысла есть в том аргументе, что гражданский процесс, следуя логике содержащихся в нем глав, в сопоставлении с арбитражным процессом, отличителен тем, что в нем преимущественно спорят непрофессиональные участники – обычные граждане, социально незащищенный элемент (пенсионеры, дети) и т.д. Во втором процессе, напротив, участвуют юристы профессионалы – арбитражные управляющие, адвокаты, оценщики и др. Однако, признаться, эта позиция нам тоже не совсем понятна. Да, безусловно, юрист в своих действиях, более аккуратен и осознан, но, почему мы не можем сказать то же самое про рядового гражданина? В уголовном праве, например, незнание закона не освобождает от ответственности. То есть, УК РФ не проводит разницы между людьми, основываясь на их профессии, образовании т.п. Можно ли говорить о каком-то неформальном цензе в цивилистическом процессе? Честно говоря, не хотелось бы. Кроме того, в гражданском процессе лица, участвующие в деле, могут прийти туда с представителем – законным, по договору и по назначению. Ясно, что представители по закону, с точки зрения конкретных рассуждений, менее подкованы в вопросах судебных разбирательств, чем юристы, но как быть с последними двумя видами представительства? Ведь там участвуют люди, имеющие высшее юридическое образование. Где же, в таком случае, непрофессиональный процесс, если оба тяжущихся, например, работник и работодатель, придут в суд с юристами? Фактически, они могут вести себя пассивно, просто перекладывая все действия и ответственность на наемных работников. Почему не реализовывать здесь ту же модель с молчаливым признанием? Тем более, если мы продолжаем настаивать на сокращении процессуальных издержек. Или в гражданском процессе дела рассматриваются настолько молниеносно, что этого не требуется? Полагаем, ответ на этот вопрос в дополнительных разъяснениях не нуждается. Отсюда, абсолютно неясно, чем руководствовался законодатель, когда решил обделить ГПК РФ и КАС РФ, определяя место конструкции молчаливого признания лишь в АПК РФ.

На самом деле, если перестать просто ссылаться на то, что ст. 65 КАС РФ не может применяться, независимо от выбора конкретной его главы, то в вопросе молчаливого признания, если бы оно в ней присутствовало, думается, было бы проще, чем в ГПК РФ. У кодекса административного судопроизводства есть одна отличительная черта – там заранее распределено бремя доказывания. Законный характер (или законный результат) своей деятельности всегда доказывает властный субъект, являющийся ответчиком. Признание не может здесь существовать именно в силу того, что участие истца здесь фактически, за исключением доказательства наличия ущерба, не требуется. Таким образом, на деле, в состязательном процессе (а последний по КАС РФ также определен законодателем в качестве состязательного) никакой особой активности и нет, поскольку каждый доказывает лишь свою некую часть общей совокупности фактов, удельный объем которых суд в какой-то момент посчитает достаточным для вынесения итогового постановления по делу. К сожалению, ситуация с ГПК РФ так просто не решается.

Таким, образом, суммируя сказанное, мы получаем следующие выводы:

1) почему механизм молчаливого признания есть в АПК РФ и отсутствует в ГПК РФ – загадка;

2) аргументы уровня «профессиональный процесс – оппозиция непрофессиональному» и потому молчание «наказуемо» только в первом случае бьются об аргумент с представителями;

3) чем существенно отличается «неуважение» к суду между пассивным поведением находясь в зале суда и простой неявкой, в контексте наказуемости в первом случае и его отсутствии во втором – не ясно.

Изложенные выводы свидетельствуют об отсутствии согласованности в регулировании процессуальных отношений в едином механизме отправления цивилистического правосудия, а также фрагментарности регулирования законодателем деятельности суда по установлению юридически значимых обстоятельств спорных правоотношений посредством института признания фактов, в том числе молчаливого признания («фиксации фактов судом при молчании спорящего лица»).

Какими целями руководствовался законодатель при введении молчаливого признания в арбитражное судопроизводство и какой эффект должен был быть достигнут от его введения в ч.3.1 ст.70 АПК РФ при последующем применении арбитражными судами и участниками судебного разбирательства?

Здесь следует отметить, что обозначенные нами вопросы получили осмысление в цивилистической доктрине после введения данного института в нормативную ткань арбитражного процессуального законодательства посредством принятия Федерального закона от 27 июля 2010 г. № 228 -ФЗ, в котором молчаливое признание получило своё нормативное закрепление в ч.3.1 ст. 70 АПК РФ в качестве разновидности судебного признания, имеющего место при:

1) отсутствии прямого оспаривания противной стороной обстоятельств, на которые другая сторона ссылается в обоснование своих требований и возражений («признание-молчание» при не оспаривании обстоятельств);

2) отсутствии подтверждения фактов иными доказательствами, обосновывающими представленные возражения по существу заявленных оппонентом требований («признание-бездействие» при непредоставлении доказательств) [23, с. 5].

Тем самым, помимо классического судебного признания, которое осуществляется путём активного волеизъявления о согласии с фактами, приведенными процессуальным оппонентом в виде подтверждения действительности фактов и влекущее за собой освобождения оппонента от несения бремени доказывания факта или группы фактов появились два новых способа признания, совершаемых в форме не оспаривания фактов и непредставления доказательств, получивших наименование молчаливого признания [2, С. 754-765].

Целям введения правила о молчаливом признании были:

1) ускорение хода судебного разбирательства;

2) повышение активности участников судебного разбирательства в части своевременного заявления о фактах и предоставлении доказательств («концентрации доказательственного материала»), предотвращение злоупотреблением при пользовании правами и обязанностями, возложении на участников ответственности за совершение или несовершение процессуальных действий [10, С. 349-385].

Можно ли считать указанные цели реализуемыми и обеспечивающими своё точное и единообразное применение в судебно-арбитражной практике, а также как согласуется применение нормы ч.3.1 ст.70 АПК РФ с механизмом о бремени доказывания (ст.65 АПК РФ) и что понимается под молчаливым признанием?

При буквальном прочтении ч.3.1 ст. 70 АПК РФ не ясно почему законодатель приравнивает молчаливое признание к классическому судебному признанию в части последствий освобождения от доказывания фактов при пассивном поведении стороны?

Молчаливое признание, по своему существу не является судебным признанием, поскольку:

1) двигательным началом процесса является заявление требований истцом, который для их удовлетворения судом осуществляет возложенное на него бремя доказывания заявленных требований (истец доказывает свои требования [12, с. 36], поэтому неактивность ответчика не устраняет и не облегчает бремя доказывания истца;

2) молчание не следует считать признанием фактов, утверждаемых другой стороной, поскольку оно не направлено на установление бесспорности факта как классическое судебное признание;

3) в судебном процессе молчание не означает выражение согласия с чужим утверждением о фактическом составе основания иска, ибо оно ничего не прибавляет к действительным данным об истинности события, а между тем именно это (установление истинности события, действия) является целью процесса [22, с. 63];

4) судебное признание предполагает активное волеизъявление, то есть должно быть очевидным и явным («однозначное выражение воли стороны»). Молчание - это бездействие лица и оно не может выражать утверждение о фактах [3, С. 21-27].

Здесь следует обратить внимание на то, что посредством активного волеизъявления происходит дальнейшее разъяснение судом правовых последствий судебного признания и его процессуальное оформление посредством внесения в протокол судебного заседания и удостоверения подписями сторон либо приобщения признания к материалам дела при изложении в письменной форме. Всё это соответствует положениям отечественной доктрины и правилам, предусмотренным ст.70 АПК РФ [8, С. 19-24].

С учётом текущей редакции ч.3.1 ст.70 АПК РФ и понимания характеристик молчаливого признания следует согласиться с предложенной в процессуальной литературе позицией о том, что в АПК РФ так и остался неурегулированным порядок выражения стороной молчаливого признания и принятия его судом.

Кроме того, ответчик о факте совершенного им молчаливого признания узнаёт из судебного решения и не может заявить процесс о проверке «признанных» путём молчания фактов в суде апелляционной инстанции, поскольку ч.4 ст.268 АПК РФ предписывает запрет проверки судам апелляционной инстанции обстоятельств, признанных и удостоверенных в соответствии со ст.70 АПК РФ [5, с. 121].

Помимо доводов о различии правовой природы классического судебного признания и молчаливого признания в процессуальной литературе пристальное внимание было обращено на то, что буквальное толкование ч.3.1 ст.70 АПК РФ устраняет действие общего правила о распределении бремени доказывания фактов (ст. 65 АПК РФ), в случае если, процессуальный оппонент не опровергает данные факты [5, с. 122].

Тем самым молчание запускает механизм перераспределения бремени доказывания наличия факта с утверждающей об этом факте стороны на пассивную сторону: заявленный, но пусть даже и недоказанный факт рассматривается как установленный, пока это не будет опровергнуто промолчавшей стороной.

В отечественной процессуальной доктрине отсутствует единый подход по вопросу соотношения бремени доказывания (ст.65 АПК РФ) и молчаливого признания как основания освобождения стороны от доказывания (ч.3.1 ст. 70 АПК РФ) [8, С. 19-24].

Здесь следует признать верным подход тех исследователей, которые указывают на противоречие (расхождение) положения о том, что если факт не оспаривается противной стороной, то и не требуется доказывать данный факт лицом, его заявившем (ч.3.1 ст. 70 АПК РФ) с общим правилом о распределении бремени доказывания, в котором лицо должно доказать требования, на которые ссылается (ст.65 АПК РФ). Буквальное толкование ч.3.1 ст. 70 АПК РФ сводит на нет действие всего механизма доказывания и противоречит ключевым положениям доктрины судебного признания. Судебное признание обеспечивает возможность: 1) заявить сторонам о действительности факта или группы фактов (явное и чёткое изъявление воли);

2) зафиксировать волеизъявление о действительности факта или группы фактов судом. Применительно к молчаливому признанию данные положения неприменимы.

Кроме того, не следует исключать тот факт, что молчание стороны в процессе является способом защиты от исков, которые не связаны с целью получения защиты нарушенного права, а связаны с целью перераспределения собственности путём предъявления «искусственных» исков [17, с. 5]. Молчаливое поведение стороны может быть обусловлено в данном случае тем, что противной стороне очевиден ход (течение) судебного разбирательства, необоснованность требований противной стороны, отсутствие необходимых и достаточных доказательств. Молчание здесь на вес золота и при таких обстоятельствах обеспечит вынесение благоприятного решения, поскольку суд способен установить факт искусственности заявленных исковых требований и отклонить иск. Иначе, искажается суть правосудия, если необоснованный факт, который не оспаривается противной стороной влечет вынесение неблагоприятного решения для лица, не оспорившего данный факт («неизбежность применения последствий, предусмотренных ч.3.1 ст. 70 АПК РФ в отношении лица, не оспорившего факт»). Всё это свидетельствует о том, что нельзя ставить знак равенства в формуле: «Молчание = согласие». Кроме того, в немецкой доктрине указывалось на то, что процессуальные отношения следует рассматривать в аспекте мер возможного поведения. Такие процессуальные отношения можно оценивать с точки зрения перспективы вынесения благоприятного судебного решения. Ключевой чертой перспективы является правило о том, что для достижения благоприятного исхода дела у обладателя «перспективы» нет необходимости совершения активных процессуальных действий [6, С. 19-25]. Поэтому при внесении изменений в регулирование процессуальных отношений суда и участников процесса следует проанализировать учения о: 1) Onus probandi (бремени доказывания); 2) Substantierung (процесс последовательного и чёткого обоснования фактов) [24, с. 221]; 3) Das gerichtliche Geständnis (судебное признание); 4) Der stillen Annahme (молчаливое признание).

После проведения анализа следует расставить чёткие приоритеты в регулировании процессуальных отношений, избрав необходимый в регулировании подход к бремени доказывания, судебному и молчаливому признанию и последующему оформлению в кодексах (общее – особенное- единичное). Тем самым будет обеспечена надлежащая коммуникация [1, С. 177-186] между судами и участниками процесса в вопросах предоставления материала (концентрации доказательственного материала) в том числе и предотвращения злоупотребления процессуальными правами. Только посредством детализации в регулировании предоставления доказательственного материала можно обеспечить повышение активности лиц и вынесения законных и обоснованных судебных решений («эффективность доказательственной деятельности»).

Если не провести «ревизию» (уточнение) учений об отдельных составляющих процессуальных отношений, в том числе о процессуальной роли молчаливого признания, то ч.3.1 ст.70 АПК РФ будет применяться арбитражными судами в сторону признания фактов противной стороной при их не оспаривании. Об этом факте свидетельствуют публикации исследователей. В судебно-арбитражная практика здесь не является единообразной, но в большинстве актов арбитражных судов указывается о том, что содержание нормы ч.3.1 ст.70 АПК РФ не свидетельствует о перераспределение бремени доказывания, не освобождает суд от исследования и оценки совокупности представленных доказательств и обстоятельств дела. К примеру, если ответчик не предоставляет в суд альтернативный расчёт, то суду следует проверить расчёт, который предоставил истец, поэтому здесь не подлежит применению ч.3.1 ст.70 АПК РФ [3, С. 21-27].

Тем самым толкование нормы ч. 3.1. ст.70 АПК РФ в судебно-арбитражной практике не создаёт определённость выбора лицом чёткой модели процессуального поведения, обеспечивающей ему избежать применение последствий в виде признания факта или группы фактов в силу молчания. Также не ясно к каким действиям лица, совершенным в процессе, будет применятся норма ч.3.1 ст.70 АПК РФ (к примеру, непредоставлению отзыва, не оспариванию расчётов, не предоставлению определенных средств доказывания).

Заключение

Таким образом, введение ч.3.1 ст.70 АПК РФ привело к неоднозначному толкованию молчаливого признания в отечественной процессуальной доктрине, отсутствию единообразия в толковании и применении данной нормы в судебно-арбитражной практике в отношении участников судебного разбирательства по усмотрению суда и ухудшению положения участников процесса ввиду запрета на повторную проверку фактов арбитражным судом апелляционной инстанции (ч.4 ст.268 АПК РФ).

Всё это свидетельствует о неблагоприятном положении дел, поскольку одно дело действие в своём собственном интересе и объявление перед судом о действительности факта («формирование собственного мнения о факте»), другое дело самостоятельное применение судом при отсутствии волеизъявления стороны (молчании) последствий в виде признания стороной факта, о котором сторона впоследствии узнает только в судебном решении [5, с. 121].

Отсюда, следуя историческому контексту, позициям подавляющего количества ученых прошлого и настоящего, возможно, следовало бы устранить обсуждаемую здесь неопределенность самым простым и менее ресурсозатратным способом – просто исключить указанную норму из содержания АПК РФ, либо использовать затратный способ – провести «ревизию» (уточнение) учений об отдельных составляющих процессуальных отношений, в том числе о процессуальной роли молчаливого признания и наметить «магистральную линию» в регулировании процессуальных отношений в цивилистическом процессе (общее-особенное-единичное) в части концентрации доказательственного материала.

Литература

1. Брановицкий К.Л. Понятие и значение судебного руководства рассмотрением дела по существу в гражданском процессе Германии // Закон.2014. № 4.С.177-186.

2. Гамбарян А.С., Айрапетян Ю.В. Признание вины и иска молчанием в уголовном и гражданском процессах // Вестник Пермского университета. Юридические науки. 2021. № 4. С. 754 – 765.

3. Глащенко В.Д. Институт молчаливого признания обстоятельств в арбитражном процессе (ч. 3.1 ст. 70 АПК РФ): результаты правоприменительной практики // Арбитражный и гражданский процесс. 2022. № 3. С. 21 – 27.

4. Гуревич И. Б. Неделимость признания // Судебная газета. 1889. № 3, 5. с. 5.

5. Денисова Н. А. Основания для освобождения от доказывания в гражданском судопроизводстве : дисс. … канд. юрид. наук : 5.1.3 – Москва, 2024. – 154 с.

6. Елисеев Н.Г. Трактовка содержания процессуальных правоотношений в Российской и германской доктрине // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Юридические науки. 2007. С. 19-25.

7. Зейдер Н. Б. Юридическая природа признания в гражданском процессе // Вестн. сов. юстиции. 1926. № 11. С. 428-433.

8. Ильясов А.А. Молчаливое признание в арбитражном процессе // Юридические исследования. 2019. № 5. С.19-24.

9. Кулюшин Е. Н. Заинтересованные лица как субъекты признания обстоятельств (фактов) по делам из административных и иных публичных правоотношений, регулируемых КАС РФ // Экономика и безопасность. № 10. 2025. С. 119-121.

10. Курочкин С.А. Эффективность доказывания в гражданском процессе: общетеоретические и методологические аспекты // Вестник гражданского процесса. 2021. № 5. С. 349 - 385.

11. Курс доказательственного права. Гражданский процесс. Арбитражный процесс: учеб. пособие / под ред. М. А. Фокиной. М., 2014. – 496 с.

12. Малинин М. И. Судебное признание в гражданских делах. 2-е изд., доп. – Одесса: Тип. Л. Нитче, 1878. – 135 с.

13. Михайлов М. М. Русское гражданское судопроизводство в историческом его развитии от Уложения 1649 года до издания Свода законов: рассуждение на степень доктора юридических наук магистра гражданского права. СПб., 1856. – 204 с.

14. Опалев Р. О. Вопросы судопроизводства в арбитражных судах: решения и аргументы, которыми можете воспользоваться и вы: науч.-приклад. пособие. 2-еизд., перераб. и доп. – М.: Инфотропик Медиа, 2014. – 324 с.

15. Пахман С. В. Обычное гражданское право в России: собственность, обязательства и средства судебного хранения: юридические очерки. – СПб.: Тип. 2 отд. Собств. Е. И. В. канцелярии, 1877. – Т. 1. – 447 с.

16. Пучинский В. К. Признание стороны в советском гражданском процессе. – М., 1955. – 100 с.

17. Скуратовский М.Л. Подготовка дела к судебному разбирательству в арбитражном суде первой инстанции. М.: Волтерс Клувер, 2007. 200 с.

18. Тряпочкин Н. А. Искусственный интеллект и признание фактов в административном судопроизводстве: возможные проблемы / Н. А. Тряпочкин // Диалог. – 2025. – № 22(52). – С. 10-11.

19. Тряпочкин Н. А. Судебное признание в цивилистическом процессе: теоретические проблемы: [монография] / Н. А. Тряпочкин; Уральский государственный юридический университет имени В. Ф. Яковлева, кафедра гражданского процесса. – Москва: Статут, 2024. – 122 с.

20. Тряпочкин Н. А., Кулюшин Е. Н. Признание фактов в административном судопроизводстве: корреляция с гражданским и арбитражным судопроизводствами // Арбитражный и гражданский процесс. – 2022. – № 12. – С. 45-49.

21. Энгельман И. Е. Курс русского гражданского судопроизводства. М., 1912. – 632 с.

22. Юдельсон К. С. Судебное признание как основание освобождения от доказывания в советском гражданском процессе // Методические материалы / ВЮЗИ. М.: 1948. С. 62-78.

23. Юдин А. Молчание - знак согласия? // ЭЖ-Юрист. 2010. № 41. С. 5.

24. Dr. Max Rust Die Substantiierungslast im Zivilprozess, Nomos, 1. Auflage 2021, S.221.

On the issue of «tacit» admission in arbitration proceedings

Tryapochkin N.A., Kulyushin E.N.
Ural State Economic University

It is generally accepted that, compared to the Civil Procedure Code of the Russian Federation (hereinafter referred to as the CPC RF) and the Code of Administrative Procedure (hereinafter referred to as the CAS RF), the Arbitration Procedure Code (hereinafter referred to as the APC RF) is considered more sophisticated in terms of form and content. However, it appears that this is hardly applicable to the provisions of Article 70 of the APC RF, which regulates the release of litigants from proving facts when one or both of them declare their admission of fact.

One such "difficult" point is the existence of Part 3.1 of Article 70 of the APC RF, which defines the existence of "tacit" admission—a concept whereby the passive behavior of a party to a case, in response to an assertion made by an opponent, can be interpreted by the court as agreement with the latter. What's surprising here is not only that a specific mechanism is provided for only in the Arbitration Procedure Code, but also that throughout the entire history of the doctrine of admission of a fact in our country, not a single scholar, until the modern period, has expressed support for its practical application. It seems worth revisiting this issue and examining it from the perspective of the genesis of this institution's development.

Keywords: admission of facts, release from proof, persons participating in the case, arbitration process, passive behavior.

References

1. Branovitsky K.L. The Concept and Importance of Judicial Guidance on the Substantive Consideration of a Case in Civil Procedure in Germany // Law. 2014. No. 4. pp. 177-186.
2. Gambaryan A.S., Airapetyan Yu.V. Admission of Guilt and Claim by Silence in Criminal and Civil Procedures // Bulletin of Perm University. Legal Sciences. 2021. No. 4. pp. 754–765.
3. Glaschenko V.D. The Institute of Tacit Admission of Circumstances in Arbitration Proceedings (Part 3.1 of Article 70 of the Arbitration Procedure Code of the Russian Federation): Results of Law Enforcement Practice // Arbitration and Civil Procedure. 2022. No. 3. pp. 21–27.
4. Gurevich I.B. Indivisibility of Admission // Judicial Newspaper. 1889. No. 3, 5. p. 5.
5. Denisova N. A. Grounds for Exemption from Proof in Civil Proceedings: Diss. … Cand. of Law: 5.1.3 – Moscow, 2024. – 154 p.
6. Eliseev N. G. Interpretation of the Content of Procedural Legal Relations in the Russian and German Doctrine // Bulletin of the Peoples' Friendship University of Russia. Series: Legal Sciences. 2007. Pp. 19-25.
7. Zeider N. B. Legal Nature of Recognition in Civil Procedure // Bulletin of the Council of Justice. 1926. No. 11. Pp. 428-433.
8. Ilyasov A. A. Tacit Confession in Arbitration Proceedings // Legal Research. 2019. No. 5. pp. 19-24.
9. Kulyushin E. N. Interested parties as subjects of recognition of circumstances (facts) in cases of administrative and other public legal relations regulated by the Code of Administrative Procedure of the Russian Federation // Economy and Security. No. 10. 2025. pp. 119-121.
10. Kurochkin S. A. Effectiveness of proof in civil proceedings: general theoretical and methodological aspects // Bulletin of civil procedure. 2021. No. 5. pp. 349-385.
11. Course in evidence law. Civil procedure. Arbitration procedure: textbook / edited by M. A. Fokina. Moscow, 2014. - 496 p.
12. Malinin M. I. Judicial recognition in civil cases. 2nd ed., suppl. – Odessa: Type. L. Nitsche, 1878. – 135 p.
13. Mikhailov M. M. Russian civil procedure in its historical development from the Code of 1649 to the publication of the Code of Laws: reasoning for the degree of Doctor of Laws, Master of Civil Law. St. Petersburg, 1856. – 204 p.
14. Opalev R. O. Issues of legal proceedings in arbitration courts: decisions and arguments that you can also use: a scientific and applied manual. 2nd ed., revised and expanded. – Moscow: Infotropic Media, 2014. – 324 p.
15. Pakhman S. V. Customary civil law in Russia: property, obligations, and means of judicial custody: legal essays. – St. Petersburg: Type. 2nd sec. Own. E. I. V. Chancellery, 1877. - Vol. 1. - 447 p.
16. Puchinsky V. K. Admission of a Party in Soviet Civil Procedure. - Moscow, 1955. - 100 p.
17. Skuratovsky M. L. Preparing a Case for Trial in the Arbitration Court of First Instance. Moscow: Wolters Kluwer, 2007. 200 p.
18. Tryapochkin N. A. Artificial Intelligence and Recognition of Facts in Administrative Proceedings: Possible Problems / N. A. Tryapochkin // Dialogue. - 2025. - No. 22 (52). - P. 10-11.
19. Tryapochkin N. A. Judicial Recognition in Civil Procedure: Theoretical Problems: [monograph] / N. A. Tryapochkin; Ural State Law University named after V. F. Yakovlev, Department of Civil Procedure. – Moscow: Statut, 2024. – 122 p.
20. Tryapochkin N. A., Kulyushin E. N. Admission of Facts in Administrative Proceedings: Correlation with Civil and Arbitration Proceedings // Arbitration and Civil Procedure. – 2022. – No. 12. – Pp. 45-49.
21. Engelman I. E. Course of Russian Civil Procedure. Moscow, 1912. – 632 p.
22. Yudelson K. S. Judicial Admission as a Ground for Exemption from Proof in Soviet Civil Procedure // Methodological Materials / VYUZI. Moscow: 1948. Pp. 62-78.
23. Yudin A. Is Silence a Sign of Consent? // EZh-Lawyer. 2010. No. 41. P. 5.
24.Dr. Max Rust Die Substantiierungslast im Zivilprozess, Nomos, 1. Auflage 2021, S.221.